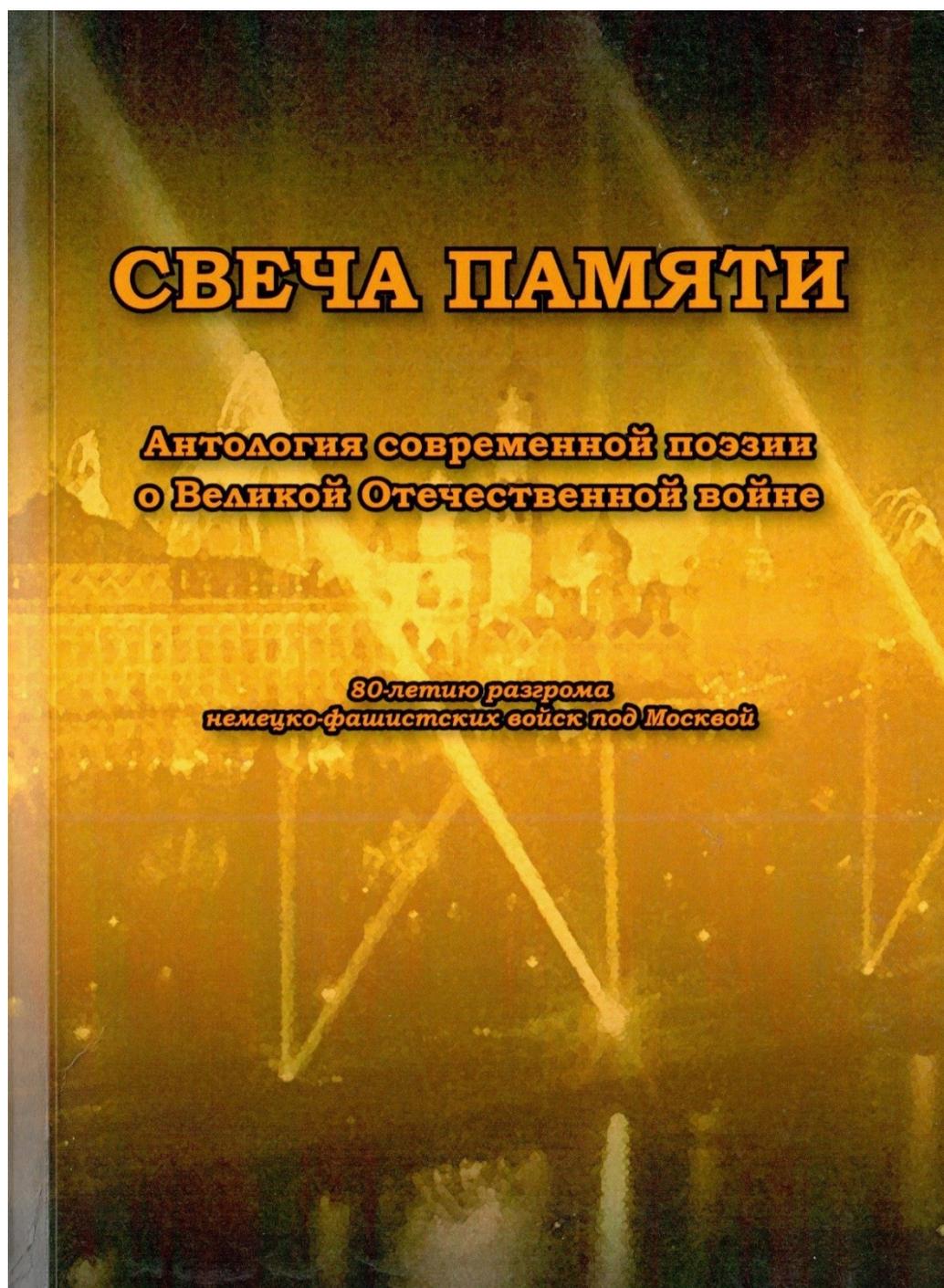

**СТИХИ ВЛАДИМИРА СИЛКИНА ВОШЛИ
В АНТОЛОГИЮ ПОЭЗИИ «СВЕЧА ПАМЯТИ»**

20 января в Музее военной формы состоялась презентация Антологии современной поэзии «Свеча памяти» о Великой Отечественной войне, посвящённой 80-летию разгрома немецко-фашистских войск под Москвой. В книгу вошли и стихи начальника военно-художественной студии писателей ЦДРА имени М.В.Фрунзе Минобороны России Владимира Силкина.

«ДАЖЕ НЕ ВЕРИТСЯ, ЧТО ЭТО БЫЛО...»

За мгновенья

Двадцать первого был ПХД*.
Протирали орудья и танки.
По колено стояли в воде,
Полоская бельё, россиянки.

Но летели по всем проводам
Из Берлина тревожные вести.
Группы армий уже по местам
До команды стояли на месте.

А у Берии были дела,
Но ему постоянно мешали.
Одинок ходил у стола
В оперсводки не веривший Сталин.

И лежала раскрытой пред ним
Государства огромного карта,
А над нею зловещился дым
От сгоравшего мирного пакта.

Опускался багровый закат,
И граница смотрела сурово.
Трубку мира держала рука
За мгновенья до двадцать второго.

* Парково-хозяйственный день в войсках.

Контратака

Памяти младшего политрука Алексея Ерёмкина

Между рек Лугань и Луговая
В землю врос его стрелковый полк,
Всю траву на брустверах сбрывая,
Пули смертью запасались впрок.

И фотограф ползал по траншее,
Чтобы снимок сделать так и сяк.
И цветы тянули к небу шеи
И в беду не верили никак.

В контратаку поднималась рота,
Да какая рота?! Может, взвод.
Но пошла, пошла за ним пехота,
Пролить и кровь свою, и пот.

Что там дальше было, я не знаю,
Может, прервалась со штабом связь.
Только точно: мать его родная
С той войны домой не дождалась.

Он стоит, глядит теперь с пригорка,
А за ним Россия и Москва.
Вечного покроя гимнастёрка
И вокруг бессмертная трава.

282

Жуков

По брусчатке, по площади Красной,
Едет Жуков на белом коне.
Всё торжественно, празднично, ясно
И в душе, и в огромной стране.

Ничего, что изрядно устали,
Что не всем вручены ордена.
Улыбается сдержанно Сталин,
На котором большая вина.

Улыбается сдержанно, знает,
Что партийный его псевдоним
На устах у народа витает
И народом безмерно храним.

Только всё-таки Сталину жутко,
Что не он вот на белом коне,
А прославленный Сталиным Жуков
Все итоги подводит войне.

Ничего, он потерпит немного,
Непримлем на праздник аврал.
Ну, а Жукову, значит, дорога
На Одессу, потом на Урал.

Вскоре смолкнут победные марши,
Поухнет «ура» над Москвой.
Едет Жуков, всего повидавший,
И рискует опять головой.

Победа

Сняла шинель под городом Берлином,
Шап по нему и презирала страх.
Она, в своём величии былинном,
Знамёна поднимала на рейхстаг.

Она не знала, кем была для деда,
Не знала, кем явилась для отца.
Шап по Берлину светлая Победа,
Не пряча обожжённого лица.

И в этот день шагали с нею рядом,
Не видевшие этого лица,
Защитники Москвы и Сталинграда,
Исполнившие долг свой до конца.

И без вести пропавшие шагали,
И в битвах прикрывавший спину тыл.
И не было ни сил таких, ни стали,
Чтоб кто-нибудь её остановил.

284

Письма Маршалу

Не сплю я, Маршал, снится мне война.
Из письма Г.К. Жукову

Читает письма Маршал и молчит,
А что тут скажешь? И ему не спится.
И видится опять в глухой ночи
Завёрнутая в белый снег столица.

И пробирает Маршала озноб,
И лютый ветер воет под Москвою.
Но он фашистов точно вгонит в гроб,
Чтоб ни за что не проросли травкою.

Как было это всё-таки давно,
Как с ног в полях валила непогода...
И в снег врати нам было суждено,
Не подоспей тогда Белобородов.

И в бой пошли сибирские полки,
Под Новый год несли врагу подарки.
И белый снег окрасил нам виски,
Хотя и был он чёрным, только жарким...

Прости солдат, и я не сплю с тобой,
Всё думаю, а мог бы я иначе?
И часто вспоминаю каждый бой,
И сердце не выдерживает, плачет.

285

Приходи скорей, Победа!

Приходи скорей, Победа!
Я тебе накрою стол.
Где я шёл и сам не ведал,
Но с тобой на встречу шёл.

Я пропах походным дымом,
Стал солёным, как вода.
Ты пройти не вздумай мимо,
Не позволю никогда!

Ты мой гость, моя отрада,
Мать моя, моя жена.
От Москвы до Ленинграда
В сердце ты была одна.

И сейчас, ну сделай милость,
Покажись в окне моём,
Я же знаю, что явилась,
И что входишь в каждый дом.

Крикни мне, лиши покоя,
Страшно в доме одному.
Я тебя одной рукою
По-солдатски обниму.

286

Идут они

На праздник свой опаздывать негоже,
И без команды оставлять свой пост,
Но у живых мороз идёт по коже,
Когда они шагают в полный рост.

Лишённые на поле боя плоти,
Идут они домой за рядом ряд,
Тем болес, когда вы их не ждёте,
Идут они и в окна вам стучат.

И строить командирам их не надо,
У них и без того глаза горят.
Не может быть без них теперь парада.
Какой без них получится парад?!

С небес идут, как будто бы с пригорка,
Готовые врага в штывки колоть.
И сгнившие от горя гимнастёрки
Их неизменно облакают в плоть.

Идут через Берлин, не зная страха,
Над каждым снова ангелы кружат.
И рёбра разорённые рейхстага
При виде их безумолчно дрожат.

В день Победы

Грустит гармонь на все лады,
Однополчан зовёт собраться.
— Да где же вы, из той беды
Со мною вышедшие, братцы?

У гармониста мрачный взгляд,
Но он в беду ещё не верит,
За не вернувшихся ребят
Одной ногою землю мерит.

И у Большого в шесть часов
Грустит гармонь, изнемогая,
В кипящем море голосов
Знакомый крик подстерегая.

288

Рубахи

Ветер выспится под сараем,
Ветер выберет свой маршрут.
Мать в корыте бельё стирает,
Чтобы после развесить тут.

Возле дома и возле сада,
На верёвках развесит мать
То, что надо, и что не надо
Ни за что на земле стирать.

Тяжело распрямляет спину,
И от ветра глаза красны.
Всё стирает рубахи сыну,
Не вернувшемуся с войны.

Мать

Светлой памяти Епистинии Степановой и её девяти сыновей

Не вернуть ушедших заново,
Не собрать всех вместе ей.
Епистиния Степанова
Ждёт с Победой сыновей.

С обелиска неподъёмного
Невозможно ей сойти —
Столько горя в нём бездонного,
Что одной не унести.

И глядит в просторы дальние,
Не смыкая красных глаз.
Вдруг, и правда, на свидание
Все они придут сейчас.

И уткнутся в ноги матери.
И, сойдясь со всех сторон,
У накрытой светлой скатерти
Ей отвесят свой поклон.

— Ой, пришли, мои хорошие,
Как же тяжело мне без вас!..
Вновь осеннею порошею
Мать сомкнуть не может глаз.

Небо с ней вздыхает синее,
Жеребёнок в поле ржёт.
Не смирилась Епистиния,
Ждёт.

290

Признание

Памяти моего деда Василия Владимировича Силкина

Я тебя никогда не видел,
Прилетел к тебе с Уссури.
Я прошу, дед Василий, выйди,
Молча рядышком покури.

Я сижу на облезлой лавке,
Мне за тридцать уже давно,
Я не раз свои сделал ставки
И сквозь пекао прошёл давно.

Две войны у тебя в итоге,
Как ты выжил там, не понять,
Ты на кладбище у дороги
Спишь и мне тебя не поднять.

Ты всю жизнь проходил за плутом
И не горбился в борозде,
Я бы стал тебе лучшим другом
И не бросил тебя нигде.

Но не встретились, так уж вышло,
Разминулись с тобою, дед.
Как крапива бушует пышно,
Как поёт соловей чуть свет!

Я оставляю на лавке фляжку,
Может, выдастся случай встать.
Нахлобучу на лоб фуражку,
Чтобы слёз твоих не выдать.

291

Однофамилец

Памяти Героя Советского Союза Г.П. Силкина

Межигорская Гута,
Правый берег Днепра.
Было наших негусто
В этом месте с утра.

Но, сбивая заслоны,
По октябрьской воде
Шли вперёд батальоны,
Шли навстречу беде.

Ближе к берегу жались.
Там попробуй-ка, тронь,
Перекрёстный, кинжальный,
Пулемётный огонь.

Но залётные пули
Доставали сердца,
И ребята тонули
Под свинцом, от свинца.

Как Григорий Петрович
Там держался тогда,
Если досыта крови
Нахлебалась вода?

Знаю только, что утром,
Будто впрямь своего,
Межигорская Гута
Хоронила его.

Не знакомый, не дядя,
Но до боли родной,
Он посмертно к награде
Был представлен страной.

292

...Правый берег днепровский,
Тишина, хоть кричи.
Над могиакой берёзки
Словно свечки в ночи.

Золотая погода,
Золотой листопад.
По днепровскую воду
Души павших летят.

293

Сирень Победы

Он прошёл всю войну без ранений,
Так и думал, вернётся живой.
Но в кипящее море сирени
В День Победы упал головой.

И сирень, вот чего не бывало,
Покачнулась, как будто жена,
Неожиданно алою стала,
А была белолицей она.

И сейчас, лишь весна на пороге,
От Берлина до Крыма теперь,
Расцветает сирень у дороги
И стучится кому-нибудь в дверь.

294

Русский рубеж

Николаю Игнатову

Салют в Москве Берлин затеял рано,
Ведь надо было Рязск ещё пройти.
Но танковый кулак Гудериана
Уперся в неприступные пути.

И в это время Сталин вспомнил Бога,
И Кремль икону поднял в синеву —
Рязанская железная дорога
Не пропустила немцев на Москву.

Она тогда на них взглянула косо,
Отдав, что было лучшее, в горсти:
Как ураган бессмертные матросы
Сметали нечисть на своём пути.

Про этот бой страна тогда не знала,
Но вот отсюда начала она
Из крупновского падшего металла
Ковать своим героям ордена.

А Рязск не пал, его железный узел
Врага за горло плотно взяла тогда,
Чтобы мужик рязанский косопузый,
Не знал господ на Хупте никогда.

Есть рубежи, наверное, и круче,
Есть города, где были пыль и прах.
Но Рязск мой жив, и помнит он, и учит,
Что русский дух не знает слова страх.

И пусть враги не верят в эти сказки,
Мы в бой идём с Отчиной на устах,
И точно знаем — в сорок первом в Рязске
Задолго до Победы пал Рейхстаг.

295

Звезда отца

В небе звёздам нет конца,
Но далёко где-то
Светит мне звезда отца
И ведёт по свету.

Горяча иль холодна,
Знать того не знаю.
Много лет горит она,
Нас соединяя.

На её шагаю свет
В этот век жестокий,
Всё иду за батей вслед
В тот июнь далёкий.

А вокруг свистят шмели.
Или, может, пули?
Если б только мы могли,
То отцов вернули.

Чтоб услышать их сердца,
Чтоб наград коснуться...
Светит мне звезда отца,
Не даёт споткнуться.

296

Чугунный мост

Сергею Фильмионову

Чугунный мост... Гудят его опоры,
Как ноги, омывает их вода,
Но то и дело в мой любимый город
Идут без опоздания поезда.

Под ним играют солнечные рыбы,
В цветах, как в свадьбу, сочные луга.
Чугунный мост, огромное спасибо,
Что рыбаки обжили берега!

Наверно, есть мосты куда шикарней,
О них трубят порой на всю страну,
Но по нему когда-то наши парни
Из Рязска уезжали на войну.

Рыдает он, что их достали пули,
Что не вернулись в отчие края.
Чугунный мост стоит как в карауле,
В чугунном сердце боль свою тая.

Свой путь земной он завершит не скоро,
Поёт в пролётах ветер, как труба,
Его опоры — и моя опора,
И грусть моя, и радость, и судьба.

297

**На открытии обелиска
Герою России Андрею Красову**

Даже не верится, что это было,
Что и сюда подступала война.
Марья Ивана до смерти любила,
И после смерти любила она.

Долго глядела вослед уходящим,
Спины крестила пропавших вдали.
Эта разлука была настоящей,
Эту любовь победить не смогли.

Вечная память и вечные списки,
Вбитые в камень навек имена.
Вечный покой обрели обелиски.
Марья с Иваном. Любовь и война.

Серые цапли взлетают с рассветом,
Крепко на кладбище спит тишина.
Марья с Иваном. Короткое лето.
И не даёт распрощаться война.

Последний Герой

16 августа 2005 года ушёл из жизни Шота Иосифович Шургая, последний Герой Советского Союза, грузин

Вот ведь жизнь пошла какая:
Разделила, развела.
Сыскал, что Шоту Шургая
Смерть нежданно забрала.

На повозку погрузила,
Повезла к себе домой,
Но не знала, что грузина,
Но не знала, что Герой.

А ведь шла за ним по свету,
Где бы только ни бывал.
Шла, когда стране победу
Над фашистом добывал.

Шла сейчас, не чуя груза,
Шла, его перекрестив,
От Советского Союза
Часть Кавказа отомив.

Шла неслышно, как когда-то,
В город скорби и крестов,
Мимо ярких флагов НАТО,
Мимо чьих-то блокпостов.

Вот и в Грузии не стало
Ни Героя за Берлин.
От кремлёвской ниши Сталин
Честь отдал тебе, грузин.

Может, встретитесь когда-то
Чтоб услышать Божий суд,
Если только танки НАТО
По могилам не пройдут.

Домой

Я в места родные еду,
Форма новая к лицу,
Я спешу на День Победы,
На свидание к отцу.

Вот и дом под новой крышей.
— Где ты батя? Будь здоров!
Горько мне, что он не слышит
Ни шагов моих, ни слов.

Постою, в окно не стукну,
Помолчу, слезу смахну.
Протяни мне, батя, руку,
Через страшную войну.

Обелиски

В печальной строгости полей
Идут путём, таким неблизким,
По тихой Родине моей
С войны солдаты — обелиски.

Они проходят мимо хат,
Полями, рощами проходят.
Пути знакомого назад
Никак ребята не находят.

Сквозь камень их сердца стучат,
Сердца, как звёзды, светят людям,
Идут солдаты по ночам,
Не слыша грохота орудий.

А там, вцепившись в тишину,
В родном краю, где зреют саивы,
Их провожают на войну,
Девчонки, плача молчаливо.

Немало их стоит окрест
Тех обелисков, тех отметин,
И давших клятву ждать невест,
Которым ночью снятся дети.

Память

Ещё не все угасли в мире войны,
Ещё в сердца врезается свинец,
И до сих пор ночами неспокойно
Спит в грудь навывает раненый отец.

Встаёт с постели, пьёт свои таблетки,
И долго курит, выйдя на балкон,
В который раз шагает из разведки
В polegший в рукопашной батальон.

Ах, память, память... Невозможно это —
Всю жизнь свою солдатский крест нести.
Не спит отец, опять шагает где-то,
Бойтся до Победы не дойти.

Не надо!

Не шейте победных знамён,
Чтоб с ними — в Европу... Не надо!
Чтоб столько немецких имён
Оставить у стен Сталинграда!

Не надо ходить на Москву,
Не пробуйте вновь Ленинграда.
Пока я на свете живу,
Не надо, не надо, не надо!